

Этика военной интервенции. Аргумент Дж. Ст. Милля и его современное значение¹

Куманьков А.Д., НИУ ВШЭ

Аннотация: В статье рассматриваются аргументы Дж. Ст. Милля, предложенные им в пользу проведения в исключительных случаях военных интервенций. Милль полагал ключевым принципом мировой политики доктрину невмешательства, закреплявшую ценности свободы и право наций на самоопределение. Однако в определённых ситуациях – во время революций, при значительных нарушениях прав человека или в случае борьбы с варварскими государствами – просвещённые народы должны брать на себя обязанность установить мир и благополучие с помощью силы. Адаптированная к реалиям политики XXI в., концепция Милля применяется для верификации военных операций и в наши дни.

Ключевые слова: интервенция, Дж. Ст. Милль, война, права человека, свобода, революция, теория справедливой войны

В декабрьском номере консервативного «Журнала Фрейзера» за 1859 год было опубликовано небольшое эссе Дж. Ст. Милля «Несколько слов о невмешательстве», которому суждено было оказать существенное воздействие на либеральную традицию в философии войны и непосредственным образом повлиять на развитие дискуссии о гуманитарной интервенции во второй половине двадцатого столетия. Историко-политический контекст появления этой работы был весьма ярким: революции 1848-1849 гг., Крымская война, окончательное установление власти Британии в Индии, начало работ по строительству Суэцкого канала. Сам Милль в автобиографии следующим образом описывает причины, заставившие его высказаться по проблемам международных отношений: «написать это эссе меня побудило страстное желание защитить Англию от столь часто вменяемых ей с континента обвинений в чрезмерном эгоизме в вопросах внешней политики... и я воспользовался случаем, чтобы высказать соображения, которые обдумывал уже долгое время (часть из них вызвана моим индийским опытом, другие – теми международными вопросами, которые впоследствии захватили умы европейской общественности) и которые касаются действительных принципов международной морали».

Викторианская Британия пребывала на вершине своего могущества, а европейские народы с неодобрением воспринимали успехи своего островного соседа. В этих обстоятельствах Милль был одним из первых, кто взялся за решение дилеммы интервенции, отражающей противоречивость соотношения между необходимостью всегда и везде защищать базовые права и свободы человека и признанием неприкосновенности границ и незыблемости национального суверенитета. Коллизия возникает, таким образом, при столкновении этической

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

и юридической сфер, предлагающих различные модели поведения в ситуации, когда в одном из государств происходят массовые нарушения прав человека или когда правительство ведёт борьбу со своим народом. Обращение к этой «сложной проблеме» мировой политики и делает эссе британского философа не только любопытным с историко-философской точки зрения, но и крайне актуальным в начале XXI в.

До 90-х годов прошлого века Дж. Ст. Милль не рассматривался, за редкими исключениями, в качестве значимой фигуры в области теории международных отношений. Во много благодаря стараниям М. Уолцера, который уделил Миллю особое внимание в своей главной книге «Справедливые и несправедливые войны» и статьях, посвящённых проблеме интервенции, и М. Дойла, активно ссылавшегося на британского мыслителя в большинстве своих работ, была осознана исключительная важность и уместность Милля. В последние годы Милль был полностью реабилитирован в качестве политического мыслителя, что подтверждается публикацией значительного количества работ, посвящённых ему или воспроизводящих его аргументацию. Так, Милль стал одним из наиболее часто упоминаемых мыслителей в последнем крупном сборнике работ, посвящённых проблемам гуманитарной интервенции. Вполне возможно, что способствовали такому успеху не только старания отдельных исследователей, но и изменения политической сферы, в частности, трансформации в понимании таких ключевых концептов международных отношений, как суверенитет, свобода, независимость и неприкосновенность границ.

В настоящее время на Милля, указывавшего на возможность в определённых случаях пренебречь всеобщим правом на свободу и начать вторжение в независимое государство, ссылаются либертарианцы, коммунитаристы и сторонники теории справедливой войны, среди которых особенно выделяются М. Уолцер, М. Дойл, Д. Родин, Дж. Лукас и ряд других авторов. В свою очередь противостоят им либералы-космополиты и политические реалисты, первые из которых отстаивают необходимость минимизации степени нарушения свобод человека посредством применения силы, вторые же негативно оценивают применение нравственного аргумента о защите универсальных ценностей гуманности, которые используются для легитимации войны.

В настоящей статье мы рассмотрим концепцию либерально-демократической интервенции, которая была разработана Дж. Ст. Миллем, и попытаемся определить её современную перцепцию. Главным же выводом можно считать выявление имплицитного обращения теоретиков и политиков к тезису Милля о допустимости ведения с «варварскими» народами неограниченной войны, которая обосновывается и прикрывается ссылкой на аргумент в пользу приемлемости борьбы с деспотическим режимом, нарушающим права человека.

Милль начинает эссе о невмешательстве с рассуждения о несправедливом отношении к Британии, которую обвиняют в том, что любой её политический шаг имеет под собой скрытую цель, значительно отличающуюся от заявленной официально, и направлен на укрепление её глобального доминирования. Однако Англия – это уникальное государство, окружённое мелочными и недалёкими врагами и соперниками – обеспокоено заботой о благе всего человечества, а не стремлением повсеместно утвердить собственное господство. Отчасти вина за подобное отношение к Британии ложится и на английских чиновников и политиков, которые столь доблестны в своей исключительной честности, что готовы обсуждать собственные пороки и недостатки, забывая о достоинствах своей страны. Неприятие и неправильная оценка позиции Англии связаны, таким образом, с неверным политическим языком, которым привыкли пользоваться британские политические деятели, а также завистью со стороны континентальных держав.

Британия руководствуется рядом ключевых принципов международных отношений. Среди них – право на самооборону, возможность обеспечивать национальные интересы и незыблемость собственной территории; это политические ценности, которые по мнению Милля, должны признаваться всеми европейскими государствами. Но превыше всего в соответствии с доктриной утилитаризма стоят общечеловеческие ценности и общее счастье. Не существует ни религиозной, ни секулярной морали, которая оправдывала бы ограничение одним государством возможности других государств на получение какого бы то ни было преимущества (к примеру, открытие Суэцкого канала), в случае, если это преимущество окажется недостижимым для первого государства или будет мешать ему. Практическая моральная максима указывает на то, что общечеловеческое благо будет также и благом для каждого отдельного государства. Только враг рода человеческого может противопоставлять собственное благо и всеобщее благо. Появление подобного субъекта международных отношений заставит всё цивилизованное сообщество «объединиться в союз против него и не заключать мира до тех пор, пока он не будет полностью изничтожен или его мощь не будет существенно ограничена таким образом, что он будет не в состоянии вновь заявлять о приоритете своих собственных интересов над всеобщим процветанием человечества».

Однако, по мнению Милля, необходимо сопоставлять стремление к обеспечению всеобщего блага и право народов на суверенитет. Свобода и самоопределение народов крайне важны для либеральной политической теории. Но в то же время именно Британия являет собой ту силу, которая единственная может менять ход Европейской и мировой истории, положительно влиять на судьбы народов. Есть несколько либеральных ценностей, отстаиваемых Англией, и забота о всеобщем благе людей указывает на необходимость привести отсталые народы в цивилизованное состояние, чего невозможно добиться без развития свободной торговли в самых удалённых регионах планеты. Таким образом, один из аргументов предложенных Миллем в пользу возможности применения силы, выводится из стремления поддержать развитие цивилизации за счёт укрепления торговых отношений.

Тем не менее, Милль выступает против агрессивных войн, которые развязываются по идеологическим причинам или с целью увеличить территорию. Вспомним, что в том же 1859 г. появилась другая знаменитая статья Милля – эссе «О свободе», где было дано следующее определение главному принципу построения общественных отношений: «единственное оправдание вмешательства в свободу действий любого человека – самозащита, предотвращение вреда, который может быть нанесен другим». Применяя принцип невмешательства к политической сфере, мы должны сделать вывод о запрете наступательных и допустимости только оборонительных войн. Милль выступает как ревностный сторонник политики невмешательства. Невмешательство подтверждает достоинство человеческой личности – народы имеют право на самоопределение и на самостоятельное принятие решений о путях своего политического развития. Только свободный народ можно по-настоящему назвать политически мыслящим. Об этом много говорилось и до Милля, сопряжение свободы и нравственности декларировалось Б. Спинозой, Г. Лейбницем, И. Кантом, а в XX столетии к этой теме обращались в частности И. Ильин, М. Вебер, Ж.-П. Сартр, Х. Арндт, Дж. Ролз.

Описывая Великобританию как передовое государство в области международных отношений и экономики, Милль формулирует простой, но жёсткий в своей самоочевидности и однозначности принцип, в соответствии с которым Англия ведёт свою внешнюю политику: «если соседние государства не вмешиваются в её дела, она не будет вмешиваться в их дела». Завоевания не могут быть обоснованы ни нравственно, ни юридически, поэтому и называются Миллем преступными. Также вряд ли может быть оправдано стремление заставить кого-либо принять свою идеологию. Таким образом, ставятся вне закона войны, нацеленные на увеличение собственной территории или на распространение идеологий.

Но концепция Милля была бы слишком близкой к пацифизму, если бы не содержала в себе положения, составляющие исключения из общего правила на неприемлемость военного вмешательства как метода мировой политики. Милль задаётся вопросом, когда интервенция и воздержание от вторжения могут считаться справедливыми и допустимыми политическими мерами, и предлагает обратить внимание на ряд случаев, когда речь не идёт об обороне собственной территории или о предотвращении угрозы нападения извне, но применение силы может всё же оказываться обоснованным и даже желательным. В определённых случаях приходится «преодолевать», а определённых случаях «пренебрегать» принципами, запрещающими интервенцию. Критерии, которые, по мнению Милля, легитимируют интервенцию, представляются крайне важными, поскольку именно на них ссылаются современные теоретики справедливой войны.

Майкл Дойл, профессор международных отношений Колумбийского университета, в своей последней работе, посвящённой исследованию статуса теории войны Милля в контексте развития доктрины «Обязанность защищать», следующим образом определяет интервенцию: «это не только вторжение. Зарубежные идеи, иные культуры и иностранная торговля могут быть вмешательством в своеобразные местные внутренние общественные отношения». Мы предлагаем использовать это определение, как наиболее точную иллюстрацию того, что понимается под интервенцией в современной либеральной теории войны. Дойл приходит к заключению, что аргумент Милля о возможности в исключительных случаях вторгаться во внутренние дела независимого государства будет работать, если мы положим три этико-политических принципа в основание нашей нормативной теории войны. Во-первых, это защита гуманистических ценностей. Во-вторых, отсутствие в международных делах вышестоящей власти, органа, который устанавливал бы порядок на мировой арене. В-третьих, право на национальное самоопределение. К этим трём принципам можно было бы добавить ещё один. Он может быть выведен из первого и третьего принципов – им станет постулирование высшей ценности гражданской свободы (Civil Liberty), и из него может быть получена установка на борьбу с тиранией.

Эти принципы указывают на явный приоритет доктрины невмешательства, которая в большей степени способствует реализации принципа свободы. В свою очередь современная концепция справедливой войны, также предполагает идею невмешательства и ограничения насильственных действий одним из основных своих положений. Но как мы уже сказали, именно исключения из доктрины невмешательства составляют ядро этической концепции войны Милля, также как и теории справедливой войны.

Стоит отметить, что Милль убеждён в неоднородности сферы большой политики, из чего следует, что обычаи и нормы права и морали, которые утвердились между цивилизованными государствами, не могут применяться при взаимодействии цивилизованной нации с варварским народом. По мнению Милля, для подтверждения этого тезиса может быть приведено немало аргументов, из которых наиболее сильными и убедительными оказываются два следующих. Во-первых, обычное международное право и мораль предполагает взаимность, но варвары не способны к этой взаимности. Нецивилизованные народы не могут подчиняться правилам, поскольку не обладают должными ментальными способностями, а воля не может контролироваться столь абстрактными понятиями, как право и мораль. Во-вторых, варварские народы находятся на таком уровне развития, что для них большим благом и выгодой было бы подчинение более развитым завоевателям. Независимость суть сакральная ценность, которая предполагает определённый культурный уровень и сформировавшееся национальное самосознание. Единственное, что может сдерживать европейца в его взаимоотношениях с отсталыми народами – «универсальные правила морали, которые сопутствуют общению

человека с другим человеком». Из этого следует, что нападение на цивилизованного соседа и вторжение в варварское государство должны оцениваться по разным критериям.

Война с цивилизованным государством может быть однозначно оправдана в случае, когда речь идёт о предотвращении очевидной угрозы, исходящей от противника. Далее, в ситуации, когда было отражено вторжение и успешно обороняющаяся сторона остановилась на своей границе, приемлемым считается продолжение борьбы на территории противника с целью полного уничтожения агрессора и избавления мира от угрозы новой войны. Допустимой оказывается также борьба с преступным, злым режимом, свержение которого превращается в одну из наиболее значимых целей войны. Милль, таким образом, подразумевает объединение принципов самообороны и упреждающего удара как факторов, легитимирующих войну. Однако из этого правила, фактически возведённого в ранг закона международной политики, существуют исключения.

Так, подобным исключением можно считать оказание помощи народу, ведущему борьбу против своего тиранического правительства за свободу. Но эта ситуация кажется Миллю крайне неоднозначной, вопрос об оказании военной поддержки революционерам предполагает тщательное и всестороннее изучение условий, способствовавших развитию восстания, и среды, в которой оно происходит, это политическая работа, которая не терпит поспешности. Легитимация вмешательства требует ответа на вопрос, является ли правительство, с которым борется население, местным и независимым или иностранным, то есть, опирающимся на помощь из-за рубежа. Милль делает здесь очень важный вывод, который не всегда принимался в расчёт в интервенциях последних десятилетий. Он полагает, что вмешательство в борьбу против местного правительства неприемлемо, поскольку нельзя гарантировать, что интервенция в таком случае будет служить благу местного населения. Высшее благо для Милля – это свобода, но «свобода, которую они [восставшие] получают в дар из чужих рук, не будет настоящей и постоянной».

Казалось бы, Милль – либеральный мыслитель, который отстаивал ценности всеобщего равенства (в правовом отношении) и республиканизма, почему он не поддерживал всякое восстание, имеющее своей целью установить республику? В эссе «О свободе» Милль указывает на то, что «борьба свободы с властью – наиболее заметная черта известной нам истории», столкновение морали и политического – нерв всей общественной жизни. Почему же стоит воздерживаться от помощи тем, кто с оружием в руках выступает за ограничение власти правительства? Милль полагает, что вмешательство во внутреннюю борьбу сильно помешает национальному строительству и самоопределению, поскольку может способствовать установлению колониального режима или усилению местной автократии. Народ должен проявить достаточную волю, чтобы подтвердить своё право на обладание свободой. Должно пройти время, прежде чем люди осознают значимость и величие свободы, научатся пользоваться ей. И этот процесс национального воспитания должен идти своим естественным чередом, уроки свободы не терпят быстрого темпа.

Общество, неготовое к свободе, то есть к самостоятельности в вопросах проявления индивидуальной и коллективной воли, к «мужеству пользоваться собственным разумом», говоря словами Канта, обречено на тотальную подчиненность собственной авторитарной или тиранической власти или на имплицитную зависимость от внешних сил. Этот тезис утвердился в политической мысли, став важным звеном построения современных либеральных политических теорий. Так, Ю. Хабермас указывает на необходимость рационального принятия прав и свобод и невозможность экспорта либеральных ценностей: «права человека, несмотря на свое чисто моральное содержание, обнаруживают структурные признаки субъективных прав... Только после того, как права человека найдут свое «место» во всемирном демократическом правопорядке так же, как в наших национальных конституциях располагаются наши основные

права, мы сможем исходить на глобальном уровне из того, что адресаты этих прав смогут понимать их так же, как их авторы» . Миллю кажется недопустимой ситуация борьбы за распространение идеологии. Но многие его последователи, как теоретики, так и политики, склонны оправдывать интервенции в качестве меры помощи восставшим, возводя демократию и либерализм в статус универсальных человеческих ценностей, распространение которых составляет долг просвещённых государств.

Единственным случаем, когда, по мнению Милля, допустимо вмешательство в революционную борьбу народа с местным независимым правительством можно назвать стремление предотвратить усиление деспотического режима, который укрепится после победы над восставшими против него. Развитие наступления на агрессивного тирана силами местных повстанцев можно рассматривать в качестве одного из вариантов упреждающего удара, производимого чужими руками. Поддержка борцов за свободу – это также способ держать свои границы в неприкосновенности. Это один из способов самообороны в ситуации, когда укрепление преступного режима поставит под угрозу существование соседних государств. В то же время недопустимой кажется Миллю поддержка правительства, которое пытается силовым путём сохранить свою власть. Если правительство ведёт войну со своим народом, то помощь ему будет означать «сочувствие одного деспотизма другому».

Однако указанными случаями не исчерпываются все возможные модусы революций. Особого внимания требует затянувшаяся гражданская война, в которой обе стороны равны или одна сторона, пусть и обладающая явным преимуществом, не может окончательно победить вторую без серьёзных нарушений прав человека, что, в свою очередь, не может не сказаться негативно на будущем восстановлении благополучия страны. Соседи такого государства должны помочь в деле заключения компромиссного мира, выгодного всем участникам конфликта, и интервенция оказывается здесь приемлемым и необходимым политическим средством. Забота о гражданских лицах и здравый смысл, повелевающий оберегать гуманность, заставляют внешние силы вмешаться в конфликт с тем, чтобы примирить противоборствующие стороны.

Так же к случаю, когда могут быть игнорированы все рациональные запреты на ограничение вторжения во внутренние дела государства, стоит отнести ситуацию борьбы местного населения против «иностранный» правительства, то есть такого, которое было установлено или опирается на помощь извне. В этом случае международное право и нормы морали уже были нарушены, когда появилось государство, оказывающее помощь местному правительству, и способствующую тем самым укреплению преступного или тиранического режима. И вторжение для борьбы с таким интервентом не представляет собой нарушение законов войны.

В то же время должна быть проведена оценка и самих революционных сил. Необходимо выявить политическую повестку, которую отстаивают повстанцы. И очевидным становится, что не всякое восстание должно быть поддержано, поскольку «те, кто восстал, чтобы угнетать» не имеют такого же священного права на борьбу, как те, кто борется с собственным угнетением.

Далее, несмотря на то, что право на национальное самоопределение понимается как высшая политическая свобода каждого народа, в ситуации, когда местная власть притесняет и угнетает своих граждан, принципом невмешательства следует пренебречь. В полной мере этот аргумент Милля нашёл своё отражение в современной доктрине «Обязанность защищать». В докладе Генерального секретаря по реализации ответственности по защите 2009 года мы находим указание на: «обязанность государств-членов предпринимать коллективные действия своевременным и решительным образом в тех случаях, когда государство явно оказывается не в состоянии обеспечить такую защиту [от геноцида, военных преступлений, этнических чисток

и преступлений против человечности, а также от подстрекательств к ним]». Понятие суверенитета меняется таким образом, что подразумевает в первую очередь высшую степень ответственности и обязанности государства обеспечивать благополучие собственных граждан. Систематическое нарушение этого положения санкционирует проведение силовых акций против правительства, неспособного реализовывать возложенные на него функции.

Логика аргументации Милля в пользу возможности нападения в описанном случае выглядит следующим образом. «Доктрина невмешательства, чтобы считаться истинным принципом морали, должна поддерживаться правительством каждого государства», но правительство, которое жестоко обращается со своими подданными, нарушает доктрину невмешательства, поскольку оказывает серьёзное давление на собственных граждан, вторгаясь в их личные дела. Следовательно, такое правительство само себя выводит из-под действия норм, запрещающих применение силы для воздействия на внутренние дела независимого государства, и «интервенция, имеющая целью восстановить принцип невмешательства, всегда будет правомерной и справедливой, если не благоразумной».

Невмешательства для Милля означает не только недопустимость вторжения одного государства на территорию другого и подчинение одного правительства воле другого. Интервенцией может быть названа также и высокая степень контроля государством частных дел своих граждан. Ценность свободы обнаруживает себя не только в области международных отношений, но и в приватной сфере, где чрезмерный институционализированный контроль может быть интерпретирован как агрессия и ущемление личностных свобод.

М. Уолцер, развивая последнюю мысль Милля, выводит три случая, оправдывающих интервенцию. Во-первых, запрет на нарушение границ может быть снят в случае сецессии или национального освобождения, то есть когда два или более политических сообщества борются за господство на одной и той же территории. При этом Уолцер вслед за Миллем указывает на то, что в этом и последующих двух пунктах речь идёт не об отказе следовать правилу невмешательства, а о негативных последствиях его нарушения. Правительство государства, которое становится объектом интервенции, отказываясь подчиняться закону невмешательства, само ставит себя под удар. Как бы парадоксально это ни звучало, Уолцер считает, что «невмешательство чаще всего сопряжено с этим признанием [независимости сообщества], но не всегда. И иногда мы должны подтвердить наше уважение независимости каким-либо иным способом, возможно, для этого даже необходимо послать войска в нарушение международных границ».

Во-вторых, и об этом уже говорилось выше, справедливой считается контринтервенция в страну, где идёт гражданская война и куда вмешалось третье государство с тем, чтобы помочь правительству в борьбе против народа. Здесь следует обратить внимание на ещё один значимый для политической теории Милля фактор – на идею баланса, который обязательно должен присутствовать в политических отношениях. Этот баланс должен сохраняться не только при взаимодействии государств между собой, но и в отношениях между правительством и народом. Баланс фактически означает здесь уравновешенное состояние, а не ситуацию ненадёжного равновесного положения, которое может быть нарушено в любой момент. И в рамках этой логики контринтервенция, имеющая целью балансировку соотношения сил в третьем государстве, может быть реализована законным образом.

В-третьих, Уолцер высказывается в поддержку кампаний, направленных непосредственно на защиту гуманитарного права. Милль касается вскользь вопроса о необходимости вмешаться в борьбу, которая ведётся правительством или какой-либо группировкой при помощи «жестокости, несовместимой с гуманностью», но у Уолцера идея гуманитарной интервенции приобретает черты общезначимой нормы.

С точки зрения утилитаристской этики сохранять нейтралитет или просто медлить с принятием решения и ждать санкции от международных организаций в ситуации, когда творится зло, значительно менее приемлемо, нежели применить вооружённую силу. В этом проявляется основное различие войны и гуманитарной интервенции, как пишет Уолцер: «обычно мы неуверенны в исходе войны и её последствиях, но мы достаточно осведомлены о последствиях масштабной резни». Возможные разрушительные последствия столь значительны, что они легализуют пренебрежение национальным суверенитетом даже без соответствующей санкции международного сообщества.

Уолцер, помещая аргументацию Милля в контекст теории справедливой войны, говорит о необходимости гуманитарной интервенции соответствовать всем принципам *jus ad bellum*. Должно наличествовать действительно значимое моральное обоснование для подобной операции, в то время как национальные интересы государств, готовящихся к вторжению, не должны приниматься в расчёт. Во внимание следует принять принципы пропорциональности и вероятности успеха – интервенция не должна привести к чрезмерным жертвам ни среди тех, кто её инициирует, ни среди местного населения, при этом необходимо гарантировать достижение поставленной цели – прекращение массовых нарушений прав человека. Интервенция может применяться только как последнее средство для прекращения конфликта, военной фазе должна предшествовать переговорная или санкционная. Правда, в случае, когда массовые убийства или этнические чистки уже начались, этот принцип фактически теряет свой смысл. И последний, в данном случае, вероятно, самый сложный принцип – легитимной власти – решение о гуманитарной интервенции может принимать только уполномоченный на подобное действие орган. Но здесь мы сталкиваемся с вопросом о том, кто может выступать в качестве такого органа в ситуации, когда причиной войны называется забота о правах человека, то есть когда политическая сфера измеряется моралью. Однако решение этого вопроса (если оно возможно) требует проведения отдельного исследования. Подобные сложности мало волновали Милля, уверенного в исключительности Британии, способной в одиночку справляться со всеми возможными политическими вызовами.

Если Уолцер и другие современные теоретики справедливой войны обеспокоены необходимостью военной силой отстаивать права человека на всём земном шаре, то, напомним, для Милля эта проблема оказывалась значимой только в контексте дискуссии о интервенции в цивилизованное государство. В большей степени он интересовался борьбой развитых государств с дикими нациями, полагая, что война с варварским правительством не требует сдерживания и ограничений: «обычное международное право и мораль предполагает взаимность. Но варвары не способны к этой взаимности. Они не зависят от соблюдения каких-либо правил». Цивилизованным нациям приходится брать на себя попечительство над такими народами ради блага последних. Милль считал, что каждый народ может достичь счастья, «только дурное воспитание и дурное общественное устройство препятствуют тому, чтобы она [счастливая жизнь] сделалась достижимой почти для всех». Задача культурно развитых народов заботиться о коллективных интересах человечества.

В то же время есть и ещё одна причина, по которой война с нецивилизованным соседом может быть всегда призвана справедливой. Цивилизованное правительство не может удерживать себя постоянно в обороне, имея соседей-варваров. В такой ситуации просвещённое государство никогда не может установить чёткую границу между сопротивлением и наступательными действиями, поэтому через какое-то время оно должно физически и политически подчинить себе неразвитого противника. При этом нравственно ответственным за всё возможное и неизбежное зло, связанное с процессом завоевания варварского государства, лежит на правительстве этого государства, которое заставляло своих подданных сопротивляться утверждению цивилизации.

Эта форма «милосердного» (benign), как её обозначил М. Дойл, или либерального колониализма предполагает, во-первых, что развитые европейцы должны нести бремя белого человека, которое заставляет при необходимости просвещать отсталые народы силой, а, во-вторых, даёт исключительное право на подобную форму легитимации войны тем же развитым европейцам. Цивилизованный запад противопоставляется всем прочим регионам земного шара. На самом деле этот аргумент значительно старше Милля, он обнаруживается ещё у Аристотеля в знаменитом различении войны, которая ведётся греками между собой, и охоты, которая понимается как борьба эллинов с варварами. Его можно встретить и у Франсиско де Витория, обличавшего политические и экономические причины завоевания индейских земель, но указывавшего на возможность ведения справедливой войны во имя распространения власти католической церкви.

И что крайне важно для нас, этот аргумент находит своё применение и в современных интервенциях последних десятилетий (Югославия, Ирак, Ливия), хотя используется он, безусловно, в завуалированной форме. Дойл, Уолцер и прочие современные авторы, которые обращаются к теории Милля, обычно обходят стороной эту проблему, буквально умалчивая её. Как правило, говорится только о защите прав человека, идеалах свободы и самоопределения, но предполагается, что их надо предохранять от власти тиранов-варваров, неспособных к цивилизованным формам правления. Аргумент из этического превращается в политический. Фактически можно сказать, что указание на невозможность правительства обеспечить защиту прав населения и идея распространения цивилизации – суть составляющие одного аргумента. Это две неотделимые части политической идеи, предполагающей, что цивилизованное, то есть демократическое, правительство не допустит нарушения прав своих граждан или не окажется в глубоком политическом или социальном кризисе. И в случае, когда такие нарушения происходят, развитие этой идеи требует наказания для власти, которая ведёт себя агрессивно в отношении собственного народа. Задача мирового сообщества или какого-либо из цивилизованных государств сводится, таким образом, к нанесению удара по преступному, или недостаточно демократическому, правительству ради защиты универсальных ценностей человека.

Приведённые выше аргументы в пользу приемлемости легального нарушения принципа невмешательства, предложенные Дж. Ст. Миллем и адаптированные к современным реалиям большой политики теоретиками справедливой войны, могут служить иллюстрацией удивительной пронизательности британского утилитариста, предусмотревшего все возможные ситуации, в которых политической силе, провозгласившей своей миссией защищать права и свободы всего человечества, придётся делать это с оружием в руках. Сомнения в однозначности этих доказательств возможности отступить от принципа справедливости и невмешательства ради борьбы за справедливость и всеобщее благополучие высказывались мыслителями, стоящими на разных этических и политических позициях.

Показательна критика Милля и его теории пацифистами, такими как Н. Хомский, который обвиняет английского мыслителя и его последователей в неоколониализме и неоимпериализме. Хомский показывает абсурдность и циничность рассуждений о том, как та или иная мировая держава «самоотверженно берёт на себя издержки по утверждению мира и справедливости во всём мире, включая «варваров», которых она завоёвывает и истребляет ради их же собственного блага». Сомнительным здесь представляется не только сама возможность применять силу для установления мира и справедливости, но и мотивация государств, проводящих интервенцию.

Альтруизм отдельных государств ставится под сомнение и реалистами, которые указывают на неприемлемость применения этических аргументов для оправдания интервенции. Опять-таки они указывают на моральный дуализм и неестественность попытки объявить

общезначимым в нравственном отношении вторжение в независимое государство. В этом смысле концепция Милля понимается как панбританская пропаганда: «окончательный вывод [Милля] состоял в том, что интервенция, исходящая из благородных намерений, в том смысле, как Англия понимала благородство, и основанная на нравственных и либертарианских началах, определить которые, вероятно, могла только Англия, могла быть приемлемой, если взвесив последствия, оказывалось, что она будет успешной и выгодной».

Нельзя, однако, сказать, что авторы, выступающие с подобной критикой, полностью снимают вопрос об интервенции, поскольку они, как правило, не предлагают своих решений проблеме помощи народу, подвергающемуся массовым истреблениям или ведущему затяжную гражданскую войну. И можно предположить, что, несмотря на обозначенную критику и противоречивость некоторых положений, доводы Милля в пользу интервенции в ближайшие десятилетия будут составлять значимую часть аргументации в пользу проведения военных операций, коль скоро этические основания всё чаще привлекают для обоснования логики принятия политических решений.

Библиография

1. Аристотель. Политика. 1256b / Его же. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983.
2. Генеральная Ассамблея, Выполнение обязанности защищать: доклад Генерального секретаря, 12 января 2009, A/63/677.
3. Иванова Ю.В. Ad marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория // Артикульт. Научный электронный журнал Факультета Истории Искусства Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 13 (1). С. 10-25.
4. Милль Дж. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. № 11.
5. Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе. – СПб.: 1866–1869.
6. Хабермас Ю. Зверство и гуманность. Война на границе права и морали // Логос. – 1999. – № 5.
7. Beitz C.R. Political Theory and International Relations. – Princeton University Press, 1999.
8. Doyle M. A Few Words on Mill, Walzer, and Nonintervention // Ethics & International Affairs. Volume 23, Issue 4. Winter 2009.
9. Doyle M. The Question of Intervention John Stuart Mill and the Responsibility to Protect. – Yale University Press, 2015.
10. John Stuart Mill: Thought and Influence: The Saint of Rationalism / Ed. Varouxakis V., Kelly P. – London and New York: Routledge, 2010.
11. J. S. Mill's Political Thought. A Bicentennial Reassessment / Ed. Urbinati N., Zakaras A. – Cambridge University Press, 2007.
12. Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention // Fraser's Magazine. LX (Dec.). 1859.
13. Mill J.S. Autobiography / Collected Works of John Stuart Mill: I. Autobiography and Literary Essay. Routledge. 2009.
14. Mill J.S. The Contest in America. Frazer's Magazine. XLV. 1862.
15. The Ethics of Armed Humanitarian Intervention / Ed. Scheid D. E. – Cambridge University Press, 2014.
16. Vitoria F. de. De titulis legitimis, quibus Barbari potuerint venire in ditionem Hispanorum. // Vitoria F. de. Relectiones theologicae. Matriti, 1725.
17. Walzer M. Just And Unjust Wars: A Moral Argument With Historical Illustrations. – Basic Books, 4 edition, 2006.
18. Walzer M. The Argument about Humanitarian Intervention // Dissent, Winter 2002